

Беспощадно разоблачать бюрократизм

С первых дней советской власти Коммунистическая партия вела и ведет непримиримую борьбу с таким злейшим врагом, оставшимся нам в наследство от старого помещичье-буржуазного строя, как бюрократизм. Глубоко чужд он природе советского государственного аппарата, у которого нет иной цели, кроме блага народа.

В условиях всенародной борьбы за коммунизм неизменно возрастают требования к работе государственного аппарата — главному орудию строительства коммунистического общества в СССР. Особо нетерпимы снохобичность, благодушие к фактам волокиты, канцеляризма, бездушия, ко всему, что мешает совершенствованию нашего государственного аппарата.

Немало бед порождает бюрократизм, пытаясь сдерживать колоссальные резервы, тающиеся в недрах нашего строя, пытаясь сковать канцеляришную инициативу масс. С какой настойчивостью и последовательностью отстаивала партия ленинские принципы построения государственного аппарата, борясь за упрочение его связей с массами, за творческий характер его деятельности. С каким гневом клеймил любое проявление бюрократизма В. И. Ленин! «А я сузу за волокиту привлекать!» — спрашивал он у Всесоюзной конференции РСФСР (5). — Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательское?»

Нет нужды приумножать результаты, достигнутые в нашей борьбе с бюрократизмом. Но он не исчез из нашей жизни — воинствующий бюрократ, откровенно самодовольный, тупой и бездушный. Изменилась лишь его личина, стерлось на дворах грозное предупреждение «без доклада не входить», иными стали приемы и не так-то легко распознать Поебодискова в приветливом, предупредительном человеке, умеющем с таким нафосом промять волокиту и формализм. «Бархатный бюрократ», «мягко стелет, за жестко сплет», — говорят о таких хамелеонах в народе. Но как бы ни маскировался Поебодисков, суть его все та же:

Такому, глядящему за чаем с балкона, как солнце садится в чаше, ни восход, ни закат, а даже солнце — и исходитшее.

По этим приметам — чиновничью отношению ко всему живому, холодному равнодушию, слепой вере в бумажку — распознаем мы бюрократов, в какие бы одежды он ни ридился.

А ридятся и маскируются наследники Поебодискова потому, что вся природа советского общественного строя глубоко им враждебна, потому, что все активнее и настойчивее ведется борьба с ними. Но стоит хотя бы чуть-чуть ослабить ее на каком-нибудь участке, и, подобно сорняку, пробиваются наружу бездушие, чванство, занаятость, карьеризм — все слабые стороны бюрократизма, способные потопить в море бумаг живое дело.

Одно из самых сильных, грозных орудий в борьбе с бюрократизмом — критика масс. Эта критика снизу находит свое выражение в письмах трудящихся, разоблачающих формализм в самых различных его проявлениях.

По форме правильно, а по сути издевательское... Разве не так обстоит дело в том исполкоме или в министерстве, где, установив часы приема посетителей, поручают вести его второстепенным работникам, лишая возможности решить вопрос. Какими результатами такого формально организованного приема? Посетителя выслушают, вежливо согласятся с его претензиями, а дело ни с места.

В своих письмах в редакцию трудящиеся приводят примеры того, как по воле чиновников плодятся бумаги, как трудно бывает подчас пробиться сквозь эти бумажные дамы. Но одним таким фактом сообщила в редакцию К. Н. Николаенко из Харькова.

— Случайное ли вам было у нотариуса? — спрашивает он. — Видели ли вы там огромные очереди чающих нотариально заверить копии? Многим это действительно необходимо, — резонно замечает автор, — а вот других

привела сюда злая воля бумаголюбов. Вот что рассказала мне ожидающая в очереди женщина, — пишет Николаенко. — Она окончила институт и была принята в аспирантуру того же института. При поступлении в аспирантуру у нее потребовали автобиографию, листок по учету кадров, нотариально заверенную копию диплома об окончании этого же института и ряд других документов и обязательно в двух экземплярах. По окончании аспирантуры она в том же институте защищала диссертацию, и с нее снова потребовали те же самые документы и опять в двух экземплярах. После защиты диссертации она приняла участие в конкурсе на замещение должности доцента в этом же институте, и снова ей пришлось представлять те же самые документы. Через год при оформлении учебного задания повторилась та же история, хотя документы по множеству имелись уже и в институте и в министерстве.

Кому понадобилось, чтоб молодой ученый, занятый работой, вступая в тридцать драгоценное время на бесконечное добывание одних и тех же и, следовательно, уже никому не нужных бумаг! Стоит обратиться до перепричины, и обязательно столкнешься лицом к лицу с ухмыляющимся Поебодисковым. — Таков порядок, — вежливо констатирует он.

Мерзает это слово — рутина! Как ржавина разедает железо, так рутина способна разрезать и уничтожить любое живое дело. В случае, рассказанном выше, казенное, чиновничье понимание порядка отняло у человека дорогое время. А мало ли фактов, когда итог бывает значительно горше.

Чуткое, внимательное отношение к сигналам, выявляемым трудящимися — святой долг любого советского работника, какой бы пост он ни занимал. Но порой эта чуткость носит чисто внешний характер, когда соблюдается лишь форма и за ней забывают живое человека. От инстанции к инстанции переходят иная жалоба, обрстая, как снежный ком, новыми и новыми бумажками, и, глядящий, засасывая они, подобно тине, существо дела. Казалось бы, форма соблюдена: никто не отважился положить письмо в долгий ящик, десятки людей не жалели ни времени, ни сил, чтоб еще и еще раз рассмотреть поступивший сигнал, но изучали при этом не столько самую жалобу, сколько наслышавшиеся на ней бесчисленные бумаги.

Именно по такому заколдованному кругу путешествует вот уже второй год жалоба А. А. Шукшиной из Свердловска. Никаких туманных формулировок она не содержит. В ней ясно и четко сказано, что дом № 43 по улице Мичурина, в котором она живет, не имеет хозяина, пришел в негодность и никто его не ремонтирует, квартиры с жильцами не взимают, справки не заверяет, словом, дом бесхозный. — Возьмите нас на учет, отремонтируйте дом, — просит автор письма. Председатель исполкома Сталинского райсовета тов. Гуценко не замедлил ответить, что «в связи с отсутствием свободной жилой площади в районе удовлетворить просьбу гр-ки Шукшиной исполком не имеет возможности».

Вот уж, поистине, кто про Ерему, а кто про Фому! Сколько ни писала Шукшина в районные, горские и областные организации Свердловска, доказывая, что не просит новую квартиру, а предлагает прибрать к рукам бесхозный дом, ей неизменно отвечали: «В связи с отсутствием свободной жилой площади...» и т. д.

К сожалению, таких фактов немало. Любое, самое пустяковое дело, для решения которого и часа достаточно, формалист занят на недели, месяцы, а иногда и годы.

Конкретных виновников беспремерной волокиты надо наказывать со всей строгостью советских законов, а не ограничиваться пустыми угрозами.

Большие страсти, гнев против любого проявления бюрократизма! Там, где нетопливо раздут штат, где кривая «исходных и входящих» неуклонно растет вверх, где вся энергия тратится на сочинение благих речений и нет контроля исполнения, — корень зла в бюрократизме. Находить его в любой цели, предавать всенародному осуждению, разжигать против него ярость масс, как это делал Маяковский, — такая это насущно важная тема для сатириков!

Нетерпимое отношение к любому проявлению чиновничьего подхода к делу позволяет нам значительно улучшить деятельность советского аппарата, направленную на успешное решение задач коммунистического строительства, на благо нашего народа.

Благодаря ленинско-сталинской национальной политике Коммунистической партии, под плодотворным влиянием русской культуры и в творческом взаимодействии с литературами других братских народов — литература Советского Дагестана за немногие годы сложилась в единое целое. И она уже сумела внести свой заметный вклад в сокровищницу общесоюзной литературы.

За последние годы литература национальности Дагестана обогатилась жанром прозы, выдвинув в кумыкской литературе прозаиков Аткал Аджаматова, И. Керимова, М. Яхьяева, М. Дангитиева; в аварской — А. Магомедов, М. Магомедов; в лезгинской — З. Эфендиева, А. Агаева; в даргинской — З. Зулфугарова; в лакской — Мирзу Магомедова и А. Мухудинова. Появилась литература для детей. Развивается национальная драматургия. Один только кумыкский театр за прошлый год принял к постановке пять новых пьес местных драматургов. Беспорядными достижениями отмечена и поэзия, остающаяся в

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР
№ 107 (3291) Вторник, 7 сентября 1954 г. Цена 40 коп.

Народность и реализм Абая

Мухтар АУЭЗОВ

Прошло пятьдесят лет с того дня, как умер великий Абай. Вблизи Чингисских гор, в безлюдной долине Жидебай, на вершине невысокого кургана покоится прах поэта. А имя Абая живет. На крыльях народной любви оно облетело степи и горы. Он был верным сыном своего народа, его непоколебимым совестью, его могучим голосом. И стихи Абая звучат над всей Советской страной.

Проходит десятилетия, и растет слава поэта, неустанно звавшего свой народ к свободе, будившего у трудового люда протест против феодального гнета. И сегодня нотками почтительно и сердечно склоняют головы перед памятью великого певца казахского народа, видевшего призвание поэта в суровой, непримиримой борьбе против зла:

Взглянет он зорче степного орла.
Струны раздумья в душе теребя.
Против невежества, против зла
Он обращает свой гнев, скорбя.

Выросший в семье самодельного степного правителя Кунанбая, Абай прорывает нею и становится выразителем народного протеста против косных устоев феодализма. В полных гнева и горечи стихах поэт выражает свое возмущение общественным укладом тогдашнего аула с его невежеством, бедственным и бесхозяйным положением трудящихся масс, дикими обычаями, родовой враждой, разложенными нравами феодальных верхов.

Бесчестный, зверя жадней,
Грязный в словах и делах,
Такой герой наших дней
Правит тобою, казак!

Воспитанный в удрученной атмосфере медресе, в среде невежественных мулл, туго спорящих о толкованиях шариата, и темных фанатиков, севших вредоносные зерна недоверия и вражды к людям иной веры, он ушел из-под влияния религиозного мракобесия и стал неутомимым борцом за просвещение своих соотечественников. Принадлежа к народу, фактически лишенному широких культурных связей с другими народами, оторженному от передовой общественной мысли угнетенным, нищетою, темнотою, Абай сумел критически воспринять наследие классической поэзии Востока, а затем со всей силой своего таланта приобщиться к русской демократической культуре. Он создал в Казахстане письменную поэзию. Он открыл казахскому народу новые горизонты, познания его с произведениями великих русских классиков.

Популярный общественный деятель, певец народной судьбы, Абай был гордо любим честными тружениками и жестоко преследовался невежественными и коварными степными феодалами, верными слугами царского самодержавия. Труден и светел был путь этого замечательного поэта, смело отдавшего свой талант благородному служению интересам народа.

Народность и реализм — вот те качества, благодаря которым талантливая и мудрая поэзия Абая обрела бессмертие, вот подлинная основа величия певца. Народность и реализм были итогом многолетних идейных и творческих исканий великого казахского поэта.

«Мудрая пчела не пьет из увядшего цветка», — гласит китайская пословица. Абай, честный и дальзоркий художник, в ущерб собственному благополучию отверг источники гнили и тлена, из которых черпали вдохновение певцы ханско-байкальской идеологии, придворные поэты степных правителей. Иной, жизненный источник — жизнь трудового народа — шила поэзию Абая.

Абай подлинно народен, ибо творчество его отразило думы и мечты казахского народа о справедливой жизни. В своих произведениях Абай воспевал трудолюбие, упорство, честность, мужество простых людей, раскрывал в национальном характере родного народа те черты, которые были порухой освобождения казахов из-под векового ига баяв и мулл. Горячо и вдохновенно призывал он народ к смелой борьбе

за лучшее будущее. Так же, как, например, творчество Пушкина и Шевченко, произведения Абая перепахали за рамки своего времени. Они живы и сегодня. Все великие поэты, работая для настоящего, служили будущему.

Выяснив фольклорные истоки творчества и отыскав тематические и иные связи выдающихся произведений с народной поэзией, еще нельзя определить народность великих поэтов прошлого. Разве народность Шота Руставели заключается лишь в том, что он творчески использовал народные сказки? Разве можно охарактеризовать народность поэм Изаимы и Навои, установив только факт обращения поэтов к мотивам народных легенд?

Народность художника не только в том, что поперпнулся в фольклоре, как освоил предшествующий поэтический опыт народа, но, главным образом, в том, как отразил он чаяния и стремления трудовых масс, какова роль его в процессе развития национальной культуры, насколько он приобщил и обогатил духовные сокровища народа, насколько он помог народу. Все великие поэты, в том числе и Абай, обогащаясь художественными ценностями, добытыми народом, сторицей возвращали ему свой долг. Они наполнили фольклорные мотивы и традиционные образы новым глубоким смыслом, новым идейным содержанием. Творения Абая народны потому, что возвращают замечательные у народа идейные и художественные ценности, наполненные тем, что необходимо народу для дальнейшего исторического развития.

Творчески осваивая и развивая народно-поэтические традиции, великие художники поднимали на новую, высшую ступень идейно-эстетическое развитие своего народа. Творчество Абая было действенным вкладом в казахскую культуру. Народ узнавал произведения поэта, потому что они были высшим художественным выражением народного духа той поры.

Активный общественный деятель, Абай стихами и несомненно вторгался в мрачную действительность своего времени, призывал разрушать препятствия, мешавшие прогрессивному развитию казахского народа. Отстаивая интересы бедности, он беспощадно изобличал и зло высмеивал во многих своих произведениях угнетателей народа. Он гневно писал:

Бай не поможет бедняку. Зачем его жалеть?
А если даст кусок — гляди, длинна у бая лезвья!
Трудись бедняк, проклятый долг
Трудишься долг сторицей возрати,
Ведь баю — жить и богатей, тебе — в могиле глеть.

Абай был выразителем взглядов трудящихся казахов. Разрешение бедности, дикая эксплуатация батрачества степными воротилками, грабительские налоги, произвол царской администрации, деятельность волюнтаристских управителей, мулл и много, много, волновалие народ и бывшее отражение его невеселых дум, нашло свое отражение в творчестве Абая. Поэт правдиво отразил социальный опыт пореформенного казахского крестьянства, его искреннее стремление к дружбе с трудовым русским народом. В своих стихах, насыщенных высоким гражданским пафосом, он выступал как защитник аульного бедняка и батрака («Ноябрь — адрдверие зими...»), казахской женщины, приговоренной к двойному гнету («Красотка-девушка...»), молодого поколения, которое он призывал изучать русский язык, русскую культуру («В интернате»).

В своем творчестве Абай выразил то, что в силу исторической новизны лишь смутно бродало в сознании масс и еще не могло быть высказано народными певцами.

А выразителем стремлений народа он смог стать потому, что в его поэтическом подвиге опорой ему служила передовая демократическая русская культура и прежде всего хорошо известные ему идеи Чернышевского.

Глубоко народен Абай и в тех произведениях, где нет речи непосредственно о народной доле, о тяжелой участи угнетенных и обираемых крестьян или где он выступает как переводчик Крылова, Пушкина, Лермонтова. Философская лирика Абая, его поэтические раздумья о природе («Весна», «Зима»), о поэзии («Поэт», «Поэзия — властитель языка...»), о любви («Обращение джигита», «Ты — зрачок глаз моих...»), его переводческая деятельность, имевшая большое историческое значение для той эпохи, — все это приобщало казахов к передовой культуре, помогало преодолевать вековую изоляцию и отсталость.

Напряженно, многосторонне и ответственно мыслит поэт о судьбах трудового казахского народа, о его будущем.

Жаркой жалостью к страждущим наделен,
Ты работай для блага людских племен!

Выдающийся мастер художественного слова, смелый и неутомимый новатор, Абай разрушал каноны консервативной, украшательской, условной поэзии. Он говорил:

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка
И слух ласкает красота речений...

...Как старый бий, послоний не лелю,
Не борчому, на грош меняя душу.
Слова сухие, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Великий поэт-реалист раздвинул узкие границы традиционного поэтического мира, ввел в казахскую поэзию большое количество новых тем, создал полную и разностороннюю картину казахской действительности, картину жизни всех слоев современного ему казахского общества.

Во введении в поэтический обиход новых тем, широта и красочность полотна степной жизни — лишь одна сторона реализма Абая. Вторая, не менее важная особенность его реализма заключается в глубоком критическом анализе сложных и противоречивых социальных явлений, с какими он встречался.

В стихах Абая запечатлены типические характеры его современников, воссозданы типические обстоятельства жизни казахов. Поэт-просветитель страстно отстаивал сокровенные надежды и чаяния трудящихся и с передовых, демократических позиций выносил изображаемым явлениям действительности свой приговор. Поэтому так глубока идейность его поэзии, так велика обличительная сила его стихов, правдиво и резко, страстно и гневно обнажающих негуды и пороки казахского общества.

С поэзией Абая в казахскую литературу приходит принципиально новый метод изображения жизни. Действительность великого поэта-просветителя протекала в то время, когда в Казахстане под воздействием капиталистической экономики началось разложение феодально-патриархальных отношений, усилились классовое расхождение и классовый антагонизм. В это время даже в кочевую казахскую степь стало проникать влияние русской прогрессивной общественной мысли. Эти предпосылки и обусловили зарождение и развитие элементов критического реализма в творчестве Абая.

Народность и реализм определяют великое новаторское значение творчества Абая для роста духовной культуры казахского народа. И надо еще и еще раз сказать, что этими важнейшими, определяющими чертами поэзия Абая обязана демократическим традициям классической русской литературы.

«Передовая русская литература, — говорил А. Н. Толстой, — никогда не знала

высокого отношения к населявшим Россию народам. В ней никогда не было колониальной струи, колониальных мотивов, столь характерных для литературы некоторых европейских народов». Это замечательное качество — чуткое и дружелюбное внимание ко всем народам и особенно к угнетенным народам России — придавало русской литературе особую притягательную силу. И естественно, что к ней были обращены внимательные взоры таких писателей и поэтов, как Абай.

Неразрывны связи бессмертного певца казахских степей с культурой великого русского народа. Освободительный пафос, высокая гуманизм, народолобие классической русской литературы были близки и дороги Абая. «Главное, — обращаясь он к своим землякам, — научиться русской науке... Для того, чтобы избежать пороков и достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру. Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза... Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получишь его, жизнь твоя станет легче... Узнавай у русских добро, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни. Если ты этого достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения».

Поэт был страстным почитателем русских писателей. Произведения Пушкина, Лермонтова, Крылова стали для него школой не только художественного мастерства, но и жизни, не только эстетическим, но и этическим кодексом. И в дальнейшем творческая эволюция Абая происходила под влиянием идей Беллинского, Герцена, Чернышевского, под воздействием бесценного художественного наследия Льва Толстого и Шедрина.

В условиях экономической и культурной отсталости Казахстана поэт не смог выработать четкое и законченное революционно-демократическое мировоззрение, по все его симпатии были без колебаний отдают революционным демократам.

Настоящая дружба стирает меж,
Плещут волны любви через все рубежи,
— так звал он к дружескому единению русского и казахского народов.

Мы вспоминаем об этом с особенной благодарностью к памяти Абая еще и потому, что поэт сумел отыскать этот подлинно животворный источник идей — русскую демократическую мысль — и обратиться к нему с безграничным доверием и преданной любовью в суровое время, когда в Казахстане господствовал феодально-байский гнет с его косностью, фанатизмом, национальной ограниченностью.

Все факты творческой и общественной жизни Абая в зрелый период его деятельности свидетельствуют о том, что он был непримиримым врагом реакционных сил, был последовательным, непреклонным и великим в выборе спасительного пути для своего терзаемого двойным угнетением народа.

Казахский народ, казахская литература по праву гордятся великим Абаем Кунанбаевым. Неувлаживаемое значение и благородные традиции творчества Абая заключаются в пламенном патриотизме и гуманизме, в страстной ненависти к произволу и мракобесию, в искреннем стремлении облегчить жизнь казахской бедноты, в пропаганде дружбы народов, в глубине и размахе поэтической мысли, в красоте и выразительности казахской поэтической формы.

Советские люди воздают должное поэту, честно и самоотверженно служившему своему народу. И сам он был светочем, указывающим путь вперед.

Яркая, многоязычная липерапура

ЗАМЕТКИ о съезде писателей Дагестана хочется начать не с изложения доклада и речей, а с описания книжного прилавка, на котором были разложены издания к съезду произведения дагестанских писателей. Эта итоговая выставка ярко показала путь, пройденный дагестанской литературой за двадцать лет.

На прилавке — объемистый сборник «Поэзия народов Дагестана». В нем впервые с такой полнотой представлены лучшие образцы народного творчества, произведения поэтов предреволюционной поры, стихи и поэмы современных поэтов. Все это, собранное воедино, напоминает собою изумительный многоцветный ковер, в который вписали свои яркие национальные узоры народности и племена Дагестана.

Возле сборника — стихи кумыкского классика Ричи Бакава, впервые вышедшие отдельной книгой на родном языке. Рядом — стихи Етима Эмина, Махмуда, Батырая в переводах на русский язык, сочинения Сулеймана Стальского и Гамзата Цаласы, «Слово старого ашуга» Казия Али. Дальше — полная поэзия проза Эфенди Каниева, поэма «Гол моего рождения» Расула Гамзатова, первый аварский роман «Судак-свидетель» М. Хуршидова — произведения, находившие читателей за пределами Дагестана. А вот повести и рассказы Аткал Аджаматова, М. Яхьяева, И. Керимова, стихи для детей Р. Рашидова, Д. Атилова. В книгах альманаха «Дружба», выходящего на аварском, кумыкском, лезгинском, лакском, даргинском языках, прибавились новые — на русском языке.

Выставка знакомит нас с творческими биографиями писателей Дагестана. И разве не примечательно, что в большом писа-

тельском ряду мы видим и народного поэта Абулдила Габурова, чье семидесятилетие недавно отмечала общественность республике, и совсем молодую поэтессу Азу Алиеву — студентку педагогического института?

Участники первого съезда писателей Дагестана вспоминали, что тогда каждый из делегатов выступал только на своем языке. Нельзя было обойтись без переводчиков. На этом съезде — русский язык стал общим.

В докладе Р. Гамзатова о состоянии дагестанской советской литературы был поднят вопрос о творческом опыте, показавшем ее развитие как одного из отрядов единой многонациональной советской литературы. Темпераментно, горячо опровергал Р. Гамзатов «ловцы» тех критиков, которые по существу сползают на позиции национального нигилизма, не желая или не умея видеть, что в дагестанской литературе сложились и развиваются свои традиции, свои национальные формы. Выросшая в борьбе против национализма, дагестанская литература твердо стоит на пути социалистического реализма. Она имеет большую плеяду писателей и поэтов, чье творчество заслуживает глубокого изучения, серьезного научного исследования. К сожалению, это почти не делается. Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР за двадцать лет не смог выпустить ни одной сколько-нибудь значительной работы о дагестанской советской литературе. В со-

вершенном пренебрежении до последнего времени находилось также литературное наследие. Между тем творчество Эмина, Батырая, Казака, Махмуда и сегодня остается большой творческой школой, которую должен пройти каждый дагестанский литератор.

Р. Гамзатов напомнил и о произведениях дагестанской литературы периода гражданской войны и первых лет советской власти. Поэма «Узники Гасая» Алибека Фатахова, лучшие пьесы Алим-Паша Салаватова выдержали испытание временем, и очень печально, что они до последнего года не переиздавались.

Остро поставил вопрос об отношении к литературному национальному наследию, о правильной оценке достижений советской дагестанской литературы, о повышении ее идейно-художественного уровня, Р. Гамзатов не дал, однако, в докладе достаточно глубокого анализа произведений современных дагестанских писателей. Это сказалось на ходе прений. Выступавшие не столько подмечали достоинства, сколько дополняли его. М. Шахмалов справедливо критиковал доклад за то, что он не получил освещения произведения поэтов, пишущих на табасаранском языке. Тот же упрек относительно татской поэзии высказал Дарик Атилов.

Интересным было выступление даргинского поэта Рашида Рашидова, посвященное проблемам художественного перевода. Точный, творческий и высококультурный перевод способствует развитию национальных литератур Дагестана и, в частности,

обогащению поэтических форм. Благодаря переводам с русского языка в даргинское стихосложение вошел силлабо-тонический стих. К сожалению, немало появляется переводов слабых, некавалитированных, дающих искаженное представление о произведениях классики. Так, стихи Маяковского переводятся без рифмы, а стихи Пушкина были переведены на лезгинский язык размером Сулеймана Стальского.

С большой заботой участники съезда обсуждали меры по улучшению развития литературной критики и литературоведения. Критика в Союзе писателей Дагестана еще не стала активным началом, способствующим творческому росту литературы. С другой стороны, писатели часто относятся к работе критиков безразлично, без должного уважения. Главный редактор альманаха «Дружба» критик Камиль Султанов заявил съезду, что в последние годы он перестал выступать с рецензиями на выходящие книги потому, что уже не в силах «отбиваться» от атак авторов, задевших его критику.

О связи литературы с жизнью, о необходимости повысить действенность работы дагестанских литераторов на съезде говорили Ш. Махмудов и А. Назаревич. Жизнь выдвигает новые темы, а писатели, крайне редко бывающие в аулах и на предприятиях, их не замечают. В произведениях дагестанских писателей еще не получила освещения тема рабочего класса, не созданы образы нефтяников и замечательных тружеников моря — косильщиков рыбобов.

Секретарь Дагестанского обкома КПСС тов. А. Даниялов отметил несомненные успехи в развитии литератур народов Дагестана. Но, напомнив он писателям, культурный уровень читателей неизмеримо вырос. К художественным произведениям справедливо предъявляются повышенные требования. Жизнь героев зачастую изображается поверхностно. Всякая слабо показана в литературе братская дружба народов Дагестана. Видно, полагаю, что пережитки прошлого уже преодолеены, писатели Дагестана редко пишут произведения, направленные против религиозных предрассудков, шариата и атак, обветшалых обычаев кучачества, умякания душам.

Дагестанская литература молода, по уже сейчас видно, какие творческие возможности она в себе содержит. Задача Союза писателей сделать все необходимое, чтобы эти большие возможности реализовались.

В работе съезда приняли участие делегация ССП СССР во главе с Э. Казакевичем и представителями писательских организаций Азербайджана и Кавказа. Съезд избрал новый состав правления Союза советских писателей Дагестана и делегатов на Второй всесоюзный съезд советских писателей.

Председателем правления ССП Дагестана избран Р. Гамзатов, ответственным секретарем А. Назаревич.

Участники съезда возложили венки на могилы народных поэтов Дагестана Сулеймана Стальского и Гамзата Цаласы.

Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ
МАХАЧКАЛА

10 страницам литературно-художественных журналов

СЛЫШАТЬ БИЕНИЕ ЖИЗНИ

ПОД РУБРИКОЙ САТИРЫ...

В ближайших номерах...

В беседе с нашим корреспондентом главный редактор журнала «Звезда» В. П. Дружинин рассказывает о содержании предстоящих номеров журнала. На страницах журнала будет уделено значительное внимание материалам, связанным с подготовкой ко Второму съезду писателей.

— В октябрьской книжке «Звезды» мы начинаем предсезонную «Трибуну писателя», в которой со статьями и заметками на темы творческой работы и жизни писательских организаций выступят писатели и критики. Здесь будут опубликованы статьи Н. Никитина, посвященные участию и задачам писателей в борьбе за мир, статья А. Дымкина о характере в лирической поэзии, заметки Л. Успенского о научно-художественной литературе и статьи Д. Гранина о журналистике и редакционной работе в журналах.

В следующих номерах журнала в «Трибуне писателя» со статьями на предсезонские темы выступят В. Саянов, А. Морозов, К. Высоковский и другие.

Большое внимание редакция уделяет сейчас работе отдела критики, стремясь усилить разработку теоретических вопросов. В сентябре состоится совещание ленинградских критиков, посвященное обсуждению плана этого раздела журнала на 1954 год. В отделе критики будут печататься проблемные статьи на материалы современной литературы. В августовской книжке были опубликованы две статьи — Ю. Константинова и Е. Дюбина, посвященные вопросам построения сюжета. В ближайших номерах будут напечатаны статьи В. Бабичевой «Сила положительного примера» (к проблеме характера в детской литературе), Е. Мина «О самом главном» (о положительном герое в советской драматургии), В. Назаренко «Идейность мастерства» и другие.

В ближайших трех номерах мы печатаем новый большой роман В. Кочетова «Молодость с нами». Роман посвящен жизни советской интеллигенции, научных и партийных работников, в нем изображены люди научно-исследовательского института, отношения «отцов и детей» в советском обществе.

В десятом номере будет помещена пьеса А. Циркова «Гроза над Фридрихом». В этой пьесе автор воспроизводит картины борьбы норвежского народа за дело мира.

В сентябрьском номере печатаются циклы стихов советских поэтов и поэтов стран народной демократии, а также очерки А. Сахарова и С. Воскресенского.

Как и прежде, на страницах «Звезды» будет вести отдел сатиры. Журнал продолжает публиковать писем читателей о литературе.

В мае этого года на палубе изыскательского «Россия» я разговаривал с веселой, жизнелюбивой девушкой Лидой О. из Ялты. Ей было лет семнадцать, и очень странно было видеть девушку на пароходе в те дни, когда большинство ее сверстников напряженно готовилось к сдаче школьных или студенческих экзаменов. — Где же вы учитесь или работаете? — спросил я Лиду.

Этот последний вопрос сначала повернул девушку в уныние. Потом скучным голосом она поведала мне свою историю. Хорошо, но без медали окончив школу, Лида держала экзамен в Симферопольском институте и не добралась одного очка. Теперь она ждет следующих экзаменов, чтобы еще раз попытаться поступить в вуз, а пока ждет несколько месяцев не знает, куда прыгнуть.

Среди ее близких не оказалось умного друга, который укрепил бы девушку в мысли, что свет для молодого человека не только в стенах вуза, что богатая, интересная жизнь кипит у нас повсюду. Таким задушевным и умным советчиком могла быть художественная литература, но прочитанные книги тоже ничего не показали. Между тем мысли, которые мучили Лиду, ежедневно волнуют сотни тысяч юношей и девушек!

Вот почему с благожелательностью и нетерпением открываешь новую повесть Л. Борисова «Утро обещает», опубликованную в шестой книжке «Звезды». Главная героиня повести — Наташа — учится в десятом классе. Она отличница, перед ней открыты двери любого вуза, однако она, не колеблясь, решает пойти на производство.

К сожалению, нашего знания действительности повесть не обогащает, а социальное-воспитательное значение ее, как мне пришлось убедиться в беседе со сверстниками десятиклассниками, очень незначительно.

К этому есть много причин. Первая из них — вялость, дурная повествовательность в изложении событий. В повести, не заведая друг друга, неторопливо течет несколько сюжетных линий: окончание Наташиной школы и выбор ее жизненного пути, замужество матери Наташи и в связи с этим нарастающее отчуждение между матерью и дочкой, роман Наташи с молодым рабочим Федей и т. д. Некоторые из сюжетных ходов попросту лишние в повести. Так, из первых страниц повести мы узнаем, что в школе есть плохая учительница Чмутова, заставляющая девочек зубрить уроки и неправильно ставящая отметки. Учительница хочет уволиться, но неожиданно она заболела. Директор школы уговаривает девочку проводить педагогического преподавателя, убеждая их в том, что Чмутова — замкнутый, одинокий человек, у нее тяжелая судьба. Когда же после болезни Чмутова пришла в класс, то девочки увидели ту же злоую учительницу, что и раньше. Неясно, какую мысль хотел провести автор, рассказывая все это?

Вид, невярающий язык повести. Зачастую связь между отдельными фразами совершенно случайна. Л. Борисов пишет так: «Наташа прекратила поиски стихов, но продолжала повторять и вслух и про себя привязавшиеся строчки. А снег не таял, на следующее утро его прибавилось еще больше, температура упала до двух градусов ниже нуля...» и т. д.

Но главная беда повести в другом. Л. Борисов пытался решить тему о професии человека, ничего не говоря о классовом труде. Наташу окружают рабочие люди. Отец Наташи — Невин — был талантливым слесарем-сборщиком, художником своего дела,

сосед, потом отчим. Павел Петрович Озеров — слесарь-новатор; друг, а потом жених Федя Плотников — рабочий; мать — официантка в заводской столовой. Однако всех этих людей труда Л. Борисов показывает вне всяких связей с заводом, на котором они работают. Это сделано вопреки сюжету и теме повести.

Об отношении одного из героев повести — молодого рабочего Федя — к литературе Л. Борисов пишет: «Повести и романы о рабочих Феде, как читателю, не нравились: в одних присутствовало несомненное и отличное знание жизни, знакомство с производством, но не доставало умения изобразить человека, показать его не только за станком, где он проводит всего лишь восемь часов в сутки, но и в домашней обстановке. А что такое домашняя обстановка? Целый мир, большой, интересный, не менее важный, чем работа на заводе. В других книгах Федя видел фальшь и намеренную ложь: жалея сделать своего героя хорошим, умным, передовым, автор подкладывал только два красками — розовой и голубой. В таких книгах действуют какие-то манекены...»

Литературные вкусы Л. Борисова совпадают со вкусами Федей. Он тоже убежден, что сделать образы героев живыми и убедительными можно, только рисуя героев в «домашней обстановке». «В халате».

Наташа пришла в гости к Феде. Идет дождь, гулять нельзя. До нежности, но фальше повести, еще далековато. «Тогда рассказывай о своем заводе», — попросила Наташа. — «Вообрази, что буду держать экзамен, на котором спросят о металлургическом заводе имени Сталина. К примеру, назови о своем цехе. Вот ты входил в проходную, а дальше что?..»

Но читатель так и не узнает, что рассказывал Федя о заводе: кончается глава, а в следующей речь идет о другом.

На том же многословном «что» с многоточиями Л. Борисов заставляет Наташу прекратить на самом деле все интересное место чтение отцовских записок. Было бы невероятным предположить, что при таком одностороннем и ограниченном подходе к творческой задаче автор смог бы найти какие-нибудь свежие и яркие краски для изображения героев. Розового и голубого цветов он не избегал. Чем, скажем, не розовые голубочки Федей с Наташей? Что же касается других положительных героев, таких, например, как Павел Петрович Озеров, то Борисов взял их лишь в семейно-бытовом плане и окрасил в один серый цвет.

Озеров, например, как об этом говорит сам автор, — человек талантливый и большого ума. Но его талант и ум проявляются, очевидно, в труде, а не в семейном быту, где он ничем не примечателен. Как же может в таком случае Озеров быть для Наташи примером, вдохновляющим на трудовую жизнь? Тем более, что он вовлечен автором в конфликт, логикой которого становится антипатичность Наташе (девушка ревнует к нему свою мать).

При подобном объединении жизни героев немудрено, что решение основной темы повести оказалось не только неубедительным, но и неправильным. Не имея опоры для этого решения в социальном повести, Л. Борисов заставляет Наташу думать о работе на заводе прийти не на основании житейского опыта окружающих

ее людей, а путем рассуждений о том, что на заводе ее ждет «прошлое предков», так же, как, скажем, дочь актера семейные традиции зовут на сцену. Свое решение быть работницей Наташа противоставляет решению Оли Поповой быть инженером, говоря о том, что у нее и Оли разные призвания. Но ни в чем — ни в школьных интересах, ни в повседневном быту не проявляется у Наташи это влечение к определенной профессии. Не проявляется оно и у ее подруг.

Оля Попова, о которой говорила Наташа, как мы узнаем из последних страниц повести, получила две тройки, и ей отказали в приеме в Горный институт. Так неудачи же Оля скажет руки и ждать следующего приема в вуз?

Все же нам в последнее время приходится наблюдать много таких «кандидатов» в студенты. Жалкий вид у этих юношей и девушек, спящих здесь без дела в то время, как по ним скучают рабочие места на заводах.

Разве не лучший путь для Оли, проявившейся на экзамене в Горный институт, — если она действительно хочет быть настоящим горным инженером, — поехать работать на горные разработки с тем, чтобы сразу соприсноситься с любимой профессией, которая у инженера-горняка и рабочего-горняка не разная, а одна?

И тут мы хотим от неутраченной повести Л. Борисова перейти к живым проблемам жизни. Мне кажется, что мы еще мало делаем для того, чтобы помочь благодарному стремлению юношей и девушек пойти на производство. Последние страницы наших газет, витрины на улицах несут объявления о том, куда окончившие школу могут пойти учиться. Но почему среди этих объявлений нет, например, такого:

«Такой-то завод приглашает на работу выпускников средних школ. На заводе после нескольких месяцев обучения можно получить следующие квалификации, требующие для их освоения знаний в размере десятилетки...»

На время обучения выплачивается стипендия... рублей. При заводе имеется филиал Всесоюзного заочного индустриального института, куда окончившие среднюю школу в текущем году принимаются без экзаменов. Институт, поступающим на завод, предоставляется хорошо оборудованное общежитие.

Пора и работникам идеологического фронта активнее повернуться к пропаганде труда, в частности физического труда. Ведь до сих пор в школах, в печати, художественной литературе делается слишком мало, чтобы раскрыть перед молодым человеком познанию физического труда.

М. И. Калинин писал: «Мне кажется, что в наших школах слишком, если можно так выразиться, обинтеллигентиваются люди. Обинтеллигентивают не в интеллектуальном смысле, а в том смысле, что инстинктивно режут и не приучают их ценить физический труд. И не могу точно сказать, что тут виноват, но факт остается фактом. Видимо, в какой-то степени здесь еще сказывается влияние пережитков старины в отношении к физическому труду. И, может быть, семья здесь больше всего виновата, но школа не дает этому влиянию должного отпора, она недостаточно воспитывает и режет коммунистическое отношение к физическому труду».

Разве эти строки хоть сколько-нибудь утешают сейчас? И разве в этих словах не заключена педагогическая программа для писателей, которые пишут о молодежи?

Журнал «Звезда» сделал полезное, крайне важное дело — завел на своих страницах отдел сатиры. Творческое ведение этого отдела не может не способствовать появлению глубоких и острых произведений обличительного характера. Но пока еще сатира в «Звезде» многого недостает.

В седьмом номере журнала помещены «Идиллические рассказы» М. Левитина. «Когда я дал прочесть эти рассказы одному литературному критику, — пишет автор, — он после продолжительного молчания сказал:

— Знаете ли, все это довольно мило, но есть в этих рассказах один общий недостаток. Ведь в жизни еще так не бывает. — Ну что ж, — ответил я, — пожалуй, действительно так не бывает. Но я бы хотел, чтобы было так, и верю, что так будет».

О чем же идет речь в этих «довольно милых» рассказах? «Рекомендация». Автор рисует картину идеального подхода к подбору кадров: подхалимы отказывают, протекции с негодованием отвергаются. «Приятная неожиданность». Жалоба, поданная кем-то в какое-то учреждение, рассмотрена в тот же день. «Возбуждено». Из газет исчезают сообщения о бракоразводных процессах, а вместо них помещаются стихи о любви.

«Обида». Продавщица в магазине столь вежлива и предупредительна, что покупатель не может скрыть своего удивления и обижает этим продавщицу... Трудно избавиться от мысли, что все это — не пародия на сатиру. И только болшая упрека со стороны редакции «Звезды» в беспредельной наивности не позволяет нам именно так истолковать рассказы М. Левитина. А как хотелось бы приветствовать такую сатирическую находку!

Однако подобное заблуждение очевидно. Когда сатирик отказывается от большой идеи, от того накала гневной страсти обличения, который всегда был присущ нашей подлинной, большой сатире, он не может создать ни сатиры, ни пародии на нее, его улет — «спасос» воспевания «свежливой продавицы»... Страстности и гражданской смелости недостает отделу сатиры «Звезды».

Пародии и эпиграммы — испытанный сатирический жанр, позволяющий остро и точно обожать характерные недостатки литературы. Хорошо, когда пародии и эпиграммы становятся обязательными для каждой книжки журнала. Но пародии Б. Кежуба, публикующиеся из номера в номер, чаще всего скользят по поверхности, ограничиваются намеками и никак не могут считаться действенной формой критики недостатков.

Плохо также и то, что внутрилитературная жизнь (примечание далеко не самые большие ее стороны) стала чуть ли не единственным объектом сатиры в журнале. А уход от действительной злобы дня, от обличения явлений, мешающих советским людям жить и строить, превращает сатиру в то самое мелочное «обличительство», которое так долго ненавидел Щедрин.

А ведь «Звезда» имела в своем активе удачные сатирические вещи. Остро разоблачали запутанную буржуазную «цивилизацию» новеллы Ярославла Гашека, впервые опубликованные на русском языке в третьем номере журнала за прошлый год. Остроумны были эпиграммы бр. Прутковых и дружеские пародии П. Игнатьева в последнем прошлогоднем номере. Но если говорить о направлении отдела в целом, то создается впечатление, что редакция «Звезды» рассматривает сатиру лишь как средство исправления невоспитанных продавщиц и не вполне корректных начальников.

А. ЛЕБЕДЕВ

Больше требовательности

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ

Перед нами четыре последних номера журнала «Звезда». По художественному уровню помещенных в них стихотворений не чувствуется, что редакция стремится показать читателям лучшие достижения современной поэзии.

Мне кажется, что редакция журнала еще мало организует широкие выступления отдельных авторов. Вот, например, седьмой номер «Звезды». Два стихотворения Павла Кустова, одно — Авы Успенского и два — Владимира Автономова никак не помогают составить представление о творческом лице каждого из этих поэтов. А хотелось бы увидеть на страницах журнала больше выступлений, так сказать, творческие отчеты поэтов.

Если же редакция помещает большие диллы стихов, то редко предоставляет это право молодым поэтам. Обычно с такими подборками стихов выступают на страницах журнала поэты старшего поколения. Но, к сожалению, эти выступления порой небрежно подготовлены. Так случилось с диллами И. Аврамченко «Из новых стихов о Сибири» (№ 5) и В. Луговского «Стихи об Украине» (№ 6). Полагаясь на творческий авторитет этих поэтов, редакция без нужной строгости отнеслась к их произведениям. Стихи И. Аврамченко своеобразны, непонятны и нерасшифрованными словами; многие стихотворения непомерно растянуты, что сни-

жает их выразительность. В «Стихах об Украине» В. Луговского впадает в красоту, затемняет смысл.

Удачей редакции может быть признано выступление молодого поэта В. Дубровина. Его цикл «Под знаменем полка», состоящий из 9 стихотворений, говорит о мужестве, стойкости советских воинов, воспекает суровость и красоту армейской жизни («Звезда», № 5).

Стихотворение «Домой» художественно и лаконично завершает цикл: Гроза не разнимет, Буран не согнет, Ни время, Ни даль, Не тронет. Ничто не ослабит и не разомкнет Наш крепкий, солдатский, трудящийся род — Широкие наши ляды.

Мне кажется удачным также выступление А. Чивилихина в последнем, восьмом номере «Звезды». На мой взгляд, это удачное поэтическое произведение, рассказывающее о величии земли.

Нужно отметить, что редакция проявляет большой интерес к периодам произведений поэтов братских республик и зарубежных стран. Это выгодно отличает «Звезду» от других журналов.

И. МАСЛЕННИКОВ, секретарь редакции газеты «Ленинградский университет»

Искатели нового и их борьба со старым

Встречи с книгами — как встречи с разными людьми. Одна книга будет вспоминаться, как встреча с умным, остро

видением, интересно рассказывающим собеседником. А другую прочтешь, — будто побеседовал с человеком серым и безликим... Роман Л. Гранина «Искатели», опубликованный в №№ 7 и 8 «Звезды», — это рассказ об одном из искателей инженера Андрея Лобанова. Закончив аспирантуру и защитив кандидатскую диссертацию, Андрей не остался на научной работе, пошел на производство. Там, в лаборатории Энергосистемы, его ждала деятельность, полная напряжения и острой борьбы. Писатель сумел не только с тонким знанием дела, но возлюбленно и интересно рассказать собеседнику — читателю о том, как молодой советский человек шел путем исканий и борьбы за новое в науке.

Творчество

Андрей Лобанов приходит в производственную лабораторию, чтобы там, опираясь на богатые возможности производства, вести научные изыскания, разрабатывать проблемы научного прогресса. Он видит, что порученная ему лаборатория занимается мелочами: «чинит катушки», то есть ремонтирует измерительные приборы, выполняет мелкие поручения, но далека от подлинного научного творчества. С этим смирился, к этому привык.

Существование Андрея Лобанова протестует против этого потока мелочной, захлебывающегося исследовательской работой. Андрей не хочет заниматься мелким текущим ремонтом — не в этом задача научной лаборатории. Он не намерен совершенствовать прибор, который устарел в своих исходных принципах. Он знает, как необходим новый прибор, разработка нового, логического способа определения мест повреждения в линиях. Это — научное исследование и вместе с тем дело большой практической важности. Под землей тянется по всему городу электрический кабель — тончайшая кровеносная сеть огромного города, несущая свет, тепло, энергию. Нужно быстро находить и исправлять

повреждения, чтобы не останавливались цеха заводов, а в окладах домов горел электрический свет.

Андрей Лобанов завоевывает симпатии ясностью, простотой, добродушной наменливостью сильного человека. Он упорно и настойчиво поворачивает лабораторию, ее работников на путь научного исследования, разработки новых вопросов. Люди, занятые мелкими поручениями, отучились самостоятельно творить. Скелетики не верят, что Андрей уместит сложить сложившийся порядок вещей. Они думают, что «новая метла чисто метет», но это неправда, — скоро Андрей либо смирился с положением в лаборатории, «привыкнет», либо плюнет на все и уйдет.

Андрей понимает, что иным работникам Энергосистемы выгодно именно такая роль лаборатории. Лаборатория, которая стала бы научным центром, которая искала бы и внедряла новые методы, создавала новые аппараты, которая буржуазила бы работников, — только мешала бы некоторым, привыкшим к старому порядку.

И вот вокруг, казалось бы, сугубо технических вопросов — работать над локаторами или совершенствовать устаревшие приборы, выводить ли на ремонт генераторы электростанций и т. п. — развертывается острая борьба. Д. Гранин сумел интересно и тонко и, можно сказать, задумчиво раскрыть ее сокровенное человеческое содержание.

Образ Андрея Лобанова возникает и развивается в действии. Этот высокий, широкоплечий, с крупными чертами лица человек не обладает расхолаживающей мягкостью. Он прям и нерядко грубоват, чем подчас может оттолкнуть людей. Но, если человек владеет действительно большой и чистой целью, его ищут товарищи. Андреем руководит научная честность и принципиальность. Разрешая свою борьбу с консерваторами, он твердо решает добиваться своего, несмотря на советы осторожных. Он знает: «в таких вопросах следует слушаться своей партийной совети».

Молодому научному работнику приходится на помощь инженер Борисов, секретарь парторганизации лаборатории, другие товарищи. Комсомольцы, беспартийные, ин-

женеры, техники, работники станций поддерживают новое направление работы.

Борисов старший Андрей, это человек с хорошим партийным сердцем и большим жизненным опытом. В нем нет научной глубины Лобанова, но это коммунист-организатор, умеющий воспитывать и убеждать. Он помогает Андрею, показывает, что неправильно бороться в одиночку, что надо вести дело, опираясь на весь коллектив. Новый прибор для исследования повреждений в электрической сети — локатор, над которым работает Андрей, для Борисова является еще и средством расширить коллектив лаборатории, заручиться лояльностью творческим горением, чтобы они поверили в свои силы. Он помогает Андрею найти верный тон в разговоре с молодежью, — надо суметь показать борьбу, опасность, зацепить ребят возможностью больших открытий, настоящих подвигов здесь, в лаборатории. Д. Гранин уверенно и тонкими реалистическими штрихами рисует труд людей лаборатории, обстановку их деятельности. Он видит научное творчество не только нужным и благородным, но и красивым. В описании научного творчества, борьбы за новое он умеет найти романтику, тот пафос благородного воодушевления, без которого не создается новых приборов, не открываются новые земли и не ищут новых хороших книг. У нас говорят о романтике, рассуждают, в каких исключительных обстоятельствах уместна романтика; она «умеет» везде, где человек направляет свои силы во имя большой цели, а мы часто не умеем видеть и раскрыть ее...

Андрей Лобанов и Борисову надо привить научное и гражданское мужество, сильный характер, решимость, чтобы отстоять такой профиль работы, который соответствует подлинным задачам технического прогресса. Это удается не сразу. Но автор показывает, как устремление к большой, трудной научной цели поднимает и открывает людей. Так раскрывается возможность человека; так оказывается, что скелетики Бриневича или привыкший к легкой исполнителю Усольев могут быть охвачены пафосом творчества нового. Большие требования помогают развернуться человеку. А неопознать возможности науки для строительства коммунизма — это значит прежде всего неопознать творческие возможности людей науки.

Тема научного творчества и раньше привлекала Гранина. Напомним его рассказ «Вариант второй», посвященный молодому ученому, который отказался от защиты диссертации, убедившись, что есть лучшее решение научной задачи, чем найден-

ное им. В повести «Победа инженера Корсакова» Гранин рассказывал, как молодой советский ученый одержал победу в научном споре через океан с известным американским ученым.

В новом романе Гранин снова возвращается к теме научного творчества. Труд, огромный, упорный, каждодневный труд, — вот что такое научное творчество. Открытие в науке — это не мгновенная вспышка, не случайное озарение. Это всегда результат длительной, максимально добросовестной работы, всесторонних исследований, умения отгадывать от уже сделанного там, где возможно лучшее решение. В научном творчестве, в поисках нового сочетаются расчет и смелый риск, кропотливое исследование и интуиция, смелая догадка и острая борьба за достигнутый результат, строгий анализ и безжалостное умение отсеять ненужное, снова и снова обратиться к опытам, не боясь, если нужно, начать их сначала. Научное творчество — это не витание в академических отвлеченностях, не кабинетная деятельность; оно требует чувства жизни, живого отношения потребности советского общества. Научное творчество предполагает борьбу за свои убеждения, отстаивание своего взгляда, умение спорить и убеждать, умение опровергнуть противоположную, неравнодушную точку зрения. Творчества нет без высокой принципиальности, коммунистической идеальности, без борьбы за свои взгляды, за свои научные убеждения, за научное мировоззрение!

Борьба

Один из людей, противостоящих Лобанову, мелкий и трусливый человек, типичный для нашей отсталости, видимость самой хвостической точки зрения, Долгин бросает Лобанову обличение:

«Странная у вас какалая позиция, товарищ Лобанов. Почему вы мучитесь борьбой, победителями, побежденными... Вместо дружбы работы...»

Да, борьба! Без борьбы, без столкновения нового с пережитками старого не может существовать переломное. Эта борьба требует упорства, решимости делать дело до конца, добиваться своего. Стравливать надо отстоять, ее не подпустит на блудке И. Долгин, который недоволен тем, что Лобанов «судится борьбой», на самом деле ведет борьбу, причем ведет ее по-настоящему, гризными методами.

Заслуга Д. Гранина состоит в том, что он сумел дать в своем романе острый, драматичный конфликт. Он следует хорошим традициям нашей литературы. Вспомним

«Русский лес» Л. Леонова, «Доктора Власенкову» В. Кавриана и еще ряд книг

— их сила, их правдивость в смелом и прямом раскрытии борьбы передовых людей науки против людей фальшивых, недобросовестных, ставших на пути развития советской науки. Роман «Искатели», в частности, показывает, как борьба за научные идеи может стать основой острого, значительного, глубокого конфликта. Д. Гранин не сглаживает конфликт, не изображает старое чем-то непохвальным, но малосущественным. И развитие конфликта, действительность, движет характер.

В первый же день работы в Энергосистеме Андрей Лобанов встречает институтского одноклассника Виктора Потаненко, начальника технического отдела, которому подчинена лаборатория.

Виктор Потаненко может быть решительным, умеет разбираться в людях, знает производство, но чем больше знакомимся мы с ним, тем отчетливее понимаем, насколько противоположен он во всех своих стремлениях Андрею Лобанову. Как изуродованы его душевные черты скверными и мелкими делами! Отказ Андрея послать техника на квартиру одного из начальников, чтобы поинтересоваться испортившимся радиоприемником, Потаненко считает «суперидеологичностью». Сам он стал увертливым, полурногибким. Он с недоверчивостью относится к новому, равнодушен к изобретениям, к смелым идеям, боится ответственности, бою решительный шаг может повредить карьеру.

Откуда эта боязнь риска, эта чиновничья трусовость, тяготеющие к протеренным тропкам у молодого человека? Потаненко забывает не об интересах производства, а о себе, о своей карьере. Он протез государственной власти к своему делу, потерял чувство нового в жизни и науке. Ногранный в формализме, в бюрократической рутине, Потаненко предпочитает жить без риска, отстраняется от действительной борьбы за прогресс. От науки он давно отстал и, чувствуя, что надо как-то подтянуть свой авторитет, пытается навязать наблюдателя Рейнгольду соавторство в уже готовом и разработанном изобретении. Барьер за карьеру, он подкидывает главного инженера, делает подлость, утешая себя тем, что... успеет проявить принципиальность, когда станет главным инженером.

У Потаненко вся его работа служит только его собственным интересам. Он никогда не думает о деле, а всегда о себе, — говорит секретарю горкома Савину Андрей Лобанов. Работа для Потаненко — только средство получить еще большую должность, выдвинуться, укрепить свое благополучие.

Честотливое, карьеризм — вот что испортило Потаненко.

« — Безидейность, — вот что вы забыли, — дополняет Савин.

Потаненко имеет опору в ученом мире. Профессор Тонков играет в развитии конфликта романа важную роль. Этот величественный, самоуверенный человек, пробившись на командный пост в науке, решил, что ему уже больше ничего не нужно. Ему бы только удержать достигнутое! Но в науке нельзя стоять на месте. Кто останавливается, делается за вчерашние успехи, тот становится врагом завтрашнего дня. Тонков — противник поисков и внедрения нового. Он руководит институтом, но не способен создавать новые ценности, разрабатывать новые идеи. Молодые научные работники выполняют исследования, которыми он должен был заниматься сам: профессор позволяет им быть соавторами. Он еле успевает бывать в различных комиссиях, комитетах. Он появляется везде и везде накладывает свою тяжелую руку на все смелое, ищущее, стремящее подвигать то, что не укладывается в рамки привычных схем. Он понимает, что непохвально для него, и навешивает на противников ярлыки — идеализм, отсталение от марксизма...

Мы знаем, что такие люди есть в науке. Бывает, что вчерашний новатор становится противником прогресса. Бойщийся нового становится членом касты стареющих; держаний-ся за свой личный, якобы непогрешимый, авторитет, а не за авторитет творческой науки, делается орудием групповщины. Мы знаем, как догадываемся выйти из тени кабинетов на арену жизни — и в союзах с беспринципностью, с себялюбивыми стремлениями становится основой кастовости, групповщины, всего того, что получило точное определение **зачинского режима** в науке. Нам рассказывали об ученом, который в свое время провел большую борьбу с ложными теориями на своем участке фронта науки. Противники пытались устранить его от активной деятельности. Он боролся, отстаивал свои взгляды. Заслуги его бесспорны. А затем дело сложилось так, что этот ученый ныне занимает полтора десятка должностей, он заседает во всех комиссиях, секциях, рефератах. Ну же! Лишь это и для самого ученого, и для науки? Не преградит ли это путь в науку молодым силам?

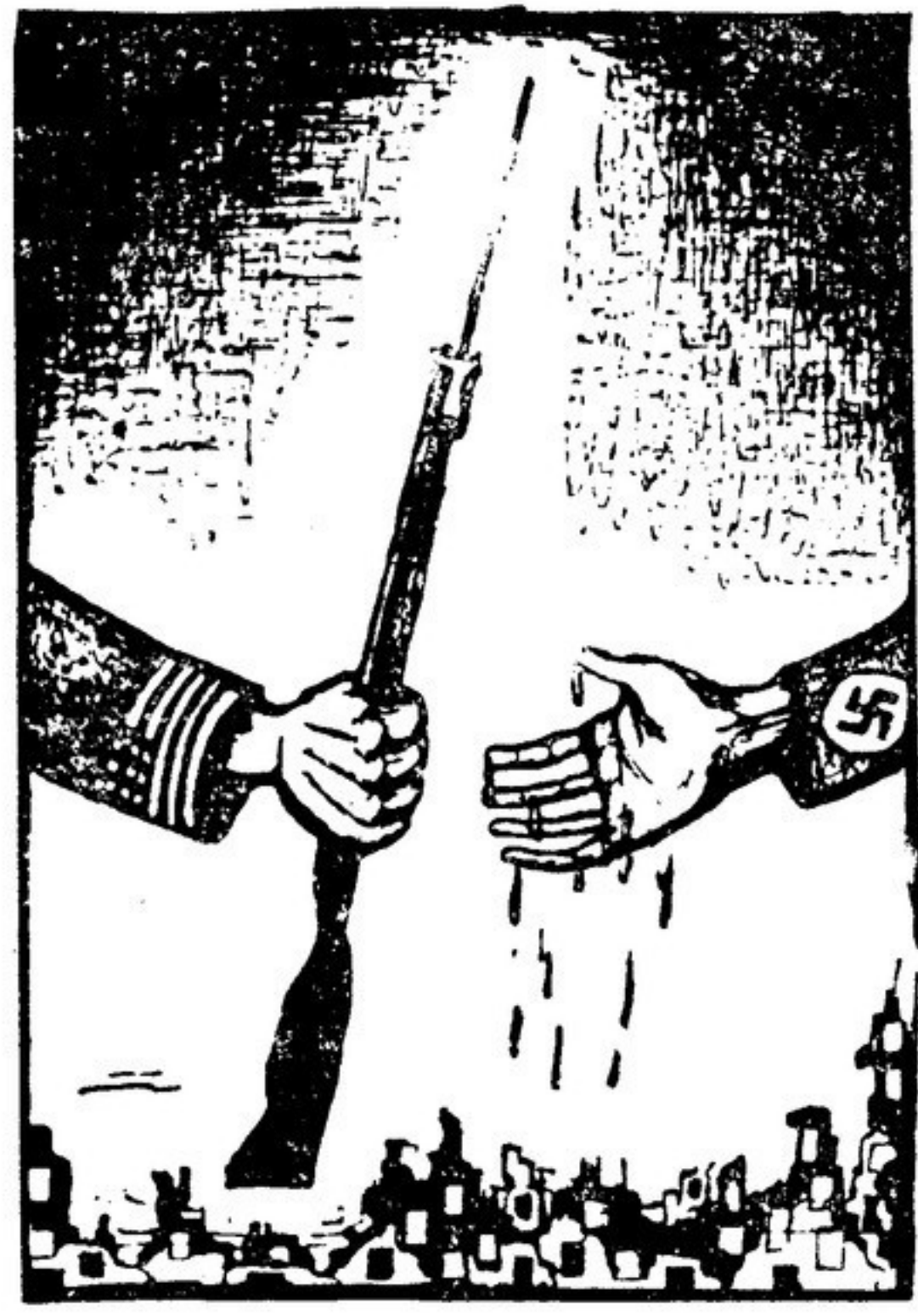
(Окончание на 4-й стр.)

ВОКРУГ СОВЕТСКОГО ПРОЕКТА ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ

Теодор ВАЛЬДЕН

АЛЬТЕРНАТИВА МНИМАЯ И ПОДЛИННАЯ

Когда Национальное собрание отклонило договор о «европейском оборонительном союзе», парижский корреспондент западногерманской буржуазной газеты «Франкфуртер рундшау» решил встретиться не только с французскими парламентариями, но и с рядами парижанами. Отчет о парижских беседах своего корреспондента «Франкфуртер рундшау» пропущенный выразительный заголовок: «Они говорят о Европе, а в мыслях у них дивизии». Эти слова принадлежат простому парижскому шоферу, который высказал то, что думают миллионы французов о первоначальной цели создания Европейского сообщества. На вопрос, как он, шофер, относится к ЕОС, тот ответил: «Оборона Европы! Смехотворно! Они говорят о Европе, а в мыслях у них — танки и пехота. Вот что нас раздражает! Понятно?».

Вашингтон — Бонну... Рисунок худ. Мителберга из французской газеты «Юманите»

Французский рабочий прекрасно понял, в чем сущность Вашингтон-Боннского плана. Для американцев и их боннских сателлитов речь шла не об объединении или обороне Европы, для них суть дела заключалась в западногерманском военном потенциале и в подготовке агрессии.

Поэтому они пытались выхватить кусок из тела Европы, чтобы противопоставить этот выхваченный кусок остальной Европе. И если теперь, после крушения идеи ЕОС, они так громко кричат о «полном суверенитете» для Германии, то они имеют в виду вооруженный «суверенитет», с ударением на слове «вооруженный».

Сегодня, после того, как были отменены во Франции (и не только во Франции) последние заблуждения и иллюзии, об этом открыто заговорили и в Бонне.

Пауль Зете, автор переводов в газете «Франкфуртер альгемайне», указывает в статье, озаглавленной «Потеряла ли крах политика Аденауэра?» на то, что не следует слишком горевать, не следует подчеркивать, что политика боннского правительства провалилась.

В чем заключалась сущность этой политики?

Вот подлинное слово Зете: «Эта сущность заключалась в положительном ответе Федеральной республики на американское предложение о том, чтобы Западная Германия внесла свою долю в оборону Запады. Ни в коем случае не следует утверждать, что этот план уже потерпел крушение».

Эти слова только подтверждают правоту парижского шофера. Этими словами официальный публицист Бонны открыто признает, что вся идея «европейского сообщества» была лишь маской для перевооружения Западной Германии.

Потому общая дискуссия среди милитаристов — и в Бонне и в Вашингтоне — касается лишь одного: как с помощью другого инструмента достигнуть желанной цели, раз инструментарий ЕОС оказался негодным?

Между тем среди немецкого народа дискуссия ведется совсем в другом направлении. Немецкие массы, как известно, разгадали те невероятные опасности, которые грозили бы всей Германии в случае ратификации договора о «европейском оборонительном союзе» и возрождения вермахта. Десятки тысяч граждан в ГДР включились в борьбу против ЕОС. Десятки тысяч человек

шагали по лестницам вверх и вниз для того, чтобы вести разъяснительную работу в домах и на фабриках, чтобы раскрыть своим соотечественникам истинную сущность этого американско-боннского проекта. Они постоянно подчеркивали, что немецкие

Вашингтон — Бонну... Рисунок худ. Мителберга из французской газеты «Юманите»

патриоты имеют многочисленных и сильных союзников в Западной Европе, и в особенности во Франции.

Вместе с тем немцы отдают себе отчет в том, что с провалом планов создания этого «сообщества» опасность реинтеграции Западной Германии, а следовательно, и новой агрессии не исчезла.

В Бонне и Вашингтоне в настоящее время обсуждают все возможные «альтернативы» «европейскому оборонительному союзу». Но немцы отклонили Вашингтон-Боннские альтернативные решения, поскольку все они говорят о перевооружении Германии и «ассоциации единомыслящих государств», противопоставляемых прочим государствам Европы. Другими словами, в Вашингтоне и Бонне продолжают вести речь о создании всех тех же агрессивных, милитаристских замкнутых группировок.

В чем же заключается подлинная альтернатива, которая принесла бы мир и безопасность европейским государствам

независимо от их социального строя? Единственно правильным решением важнейших проблем обеспечения мира и безопасности в Европе является советский проект создания общеевропейской системы коллективной безопасности.

Население ГДР с самого начала с воодушевлением приветствовало советские предложения. В Западной Германии газеты, как обычно, либо пытались совершенно скрыть от своих читателей предложения Советского Союза, либо же искажали их до неузнаваемости. Несмотря на все это, и в Западной Германии дискуссия о предложениях Советского Союза стала захватывать все более широкие круги. Провал планов ЕОС в Брюсселе и в Париже послужил новым стимулом для этой дискуссии. Особенно резко потребовали изменения курса боннской политики рядовые социал-демократы, настаивающие на том, чтобы вместо сепаратных конференций западноевропейских государств начались всеобщие европейские переговоры.

Руководство социал-демократической партии тоже не могло пройти мимо ясно выраженного пожелания западногерманского трудящегося населения. Лидер этой партии Оденхауэр заявил, что попытки в той или иной форме воскресить ЕОС «обременены на провал». Многие социал-демократические газеты высказываются еще реше и откровеннее. Так, газета «Ние рурдштунг» пишет: «Советский Союз готов начать разговор о Германии. И его необходимо начать. Этот вопрос должен стоять в порядке дня, он должен стать центральным пунктом новой германской внешней политики. И надо полагать, что объединенная Германия, не вооруженная, но имеющая гарантии от Запада и Востока, станет лучшим оплотом мира...»

И другие западногерманские буржуазные газеты теперь тоже настоятельно, чем прежде, выступают в защиту советских предложений. «Франкфуртер рундшау», например, приветствует возможность созыва совещания министров иностранных дел четырех великих держав, поскольку при этом, быть может, откроются новые пути для более безопасных решений немецкой дилеммы.

Совет Министров ГДР сделал на днях заявление по поводу отклонения во Французском Национальном собрании договора о «европейском оборонительном союзе». Правительство ГДР приветствует это решение французской палаты, так как оно предоставляет новые возможности для всеобщего урегулирования вопроса об обеспечении безопасности в Европе, а также для мирного решения германской проблемы. Для этого, указывается в решении правительства ГДР, имеется один доступный путь: это создание системы коллективной безопасности, в которой смогут принять участие на равных началах все европейские государства.

Такова единственно правильная, реально осуществимая альтернатива, указанная советскими предложениями. Она завоевывает себе все новых сторонников в западноевропейских странах.

Что в лоб, что по лбу... После того, как французское Национальное собрание отвергло проект создания «европейского оборонительного сообщества», Аденауэр потребовал предоставления Западной Германии права на неограниченное вооружение.

Аденауэр — Франции: — Само собой разумеется, что мадам Маринна может выбрать себе брадлет по собственному усмотрению... Рисунок худ. Шмита из немецкой газеты «Берлинер цейтунг»

ОТРАВЛЕННАЯ „ПОМОЩЬ“

Хироко Асаходоки, жительница японского города Саппоро, проснулась от жгучей боли в желудке. Во рту было горько, голова кружилась, поднялась температура, на лице выступили капли холодного пота... Ее доставили в ближайший медицинский пункт. Там врачи определили: налицо сильное отравление.

Чем же отравилась Хироко Асаходоки? Ответ был найден скоро. Оказывается, накануне она ела рис, абсолютно не пригодный, по заключению компетентных органов здравоохранения, для употребления в пищу.

Если бы этот случай был единичным, он, несомненно, остался бы незамеченным. Но вскоре из различных мест посыпались жалобы на продажу недоброкачественного риса, ставшего причиной отравлений.

Спрашивается, как реагировали на это японские власти? Они не дерзнули привлечь к ответственности поставщиков отравленного риса. Не дерзнули потому, что поставщиком были Соединенные Штаты Америки. Продолжающийся контрфорс в Саппоро и пунктам здравоохранения было предложено лишь принять «меры предосторожности», а управление по вопросам продовольствия Японии ограничились тем, что решили в дальнейшем производить исследование риса, поступающего из-за границы. И все.

Как сообщает японское агентство Киюто Юсин, из США поступила большая партия риса, содержащего ядовитые семена вьюнка. В течение марта — мая в японские порты Нюкогама и Нагоя было доставлено из-за океана 7 900 тонн такого негодного риса...

Не новость, что Япония находится ныне в американской кабале. Огромные пространства плодородных земель реквизируются у крестьян и отдаются под американские военные базы — аэродромы, казармы, склады. Выходящая в Токио газета «Ниппон таймс» писала, что сбор риса, одного из основных продуктов питания населения Японии, резко сократился из-за передачи земли американским властям. Своей политикой оккупации японской территории США еще более осложняют проблему острой нехватки риса в стране. Для их корыстных целей это выгодно. Под видом «помощи» они навязывают японскому народу недоброкачественные товары по высоким ценам.

Американская «помощь» служит также средством ускорения милитаризации Японии. Классический образец в этом смысле — подписанное несколько месяцев назад соглашение о закупке Японией в Соединенных Штатах излишков зерна. По этому соглашению Япония должна закупить в США на 50 миллионов долларов зерна, в том числе пшеницы. Причем, 20 процентов средств, полученных от реализации зерна, будут использованы (под контролем США) для расширения японской военной промышленности, а остальные 80 процентов Соединенные Штаты используют для размещения в Японии своих военных заказов.

Навязав Японии такое соглашение, США убили сразу двух зайцев: приобрели рынок сбыта для своих залежалых товаров по очень высоким ценам и ускорили (за счет японского народа) перевооружение Японии, воссоздание милитаристских вооруженных сил.

Все это делается под видом «помощи» Японии. Если это называется «помощью», то что же тогда называется грабежом? — справедливо задают вопрос простые люди Японии. Грабительская политика американских монополий вызывает недовольство японского народа. Сегодня не только Хироко Асаходоки, женщина из Саппоро, но и миллионы трудящихся убеждаются в том, что американская «помощь» — отравленная «помощь».

В. ЗВОНОВ

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ ДВОРЦА ШАЙО

Hans SPEIDEL campe au Trocadero

В кулуарах парижского дворца Шайо можно встретить человека в темном костюме без зупренного пояса, с отличной военной выправкой и свирепым взглядом профессионала в о г о убийцы. Кто он? — спросит читатель. Это — военный преступник, приговоренный после окончания второй мировой войны к двадцати годам тюремного заключения, бывший гитлеровский генерал Ханс Шпейдель.

Странники проекта «европейской армии», позорно провалившегося во Франции, скажут вам, что не надо удивляться фанту человека в Париже. Ведь генерал Шпейдель — «старый друг» французам. В 1944 году он возглавлял штаб немецко-фашистских оккупационных войск во Франции. Тогда ему было поручено руководить обороной «европейской крестовости». А несколько ранее, на Восточном фронте, Шпейдель успел прославиться как ревностный приверженец тактики «выжженной земли».

«Ценный опыт» бывшего гитлеровского специалиста кровавых дел, видимо, привел в восхитенные обороты возродившего фашистского вермахта. Но французский парламент категорично отверг гитлеровские планы создания «европейского оборонительного сообщества». Тем не менее генерал Шпейдель все еще находится в Париже.

«Ганс Шпейдель расположился на Трокадеро», — с возмущением пишет французская газета «Юманите-димиани», помещая фотографию гитлеровца, который засиял в своем служебном кабинете во дворце Шайо...

Да, несмотря на то, что французский народ сильной рукой перечеркнул планы вооружения своих палачей, обер-палач Шпейдель находится в Париже, и не один! Шпейдель возглавляет западногерманскую делегацию во временном комитете несуществующего «европейского оборонительного сообщества». Как уже сообщала советская печать, эта делегация насчитывает 200 офицеров. Все в ней, как на подбор, — бывшие фашисты, офицеры гитлеровской армии. Варону Гансу фон Гетсдорфу, представителю «ведомства Бланка» — фактического военного министерства Бонны, вполне

под стать бывший полковник вермахта Фридрих фон Плевэ. Последний — тоже «знаток» и «восторженный поклонник» Франции, доказавший это, гневно замечает газета «Юманите-димиани», своей деятельностью во время войны.

Ставка временного комитета несуществующего «европейского оборонительного сообщества» — дворец Шайо. А постоянная резиденция большой западногерманской делегации — отель «Иенна», расположенный на одноименной площади в Париже. В часы, свободные от работы над обновлением старых планов по работе в Париже и всей Европы, западногерманские «дипломаты» флиртуют по Елисейским полям... Однако они по понятным причинам стараются не привлекать к себе внимания. Генерал Шпейдель, надо полагать, сохранил отнюдь не радостные воспоминания о том, как в 1951 году на площади Оперы состоялась мощная манифестация парижан, протестовавших против его участия в заседании совета «экспертов ЕОС», которое созывалось в столице Франции...

Французская общественность взволнована тем, что в Париже попренежному функционирует временный комитет отвергнутого Францией «европейского оборонительного сообщества». Странники перевооружения Западной Германии, потерявшие поражение во Франции, пытаются теперь осуществить свои цели другим путем: включением вермахта в организацию Северо-атлантического пакта. Они, вероятно, попренежному нуждаются в услугах военного преступника фашиста Шпейделя.

Французы хорошо помнят недавнее заявление ярого ревизиониста, эсэсовского генерала Рамке, которому, в отличие от Шпейделя, не приходится ядиться в дипломатическую тогу. «Пусть американцы раздувают огонь», — нагло заявил Рамке, — а уж мы изжарим гальского петуха на своем вертеле». Крикливые заявления Шпейделя во дворец Шайо, ясно показывая, что он ожидает Францию в случае осуществления — под той или иной вывеской — американских планов перевооружения западногерманских милитаристов.

АВСТРИЙЦЫ СО СВАСТИКОЙ

Этот фотоснимок был опубликован западногерманским журналом «Мюнхнер иллюстрир» вскоре после окончания войны в городе Мюнхене фашистского «слета» судетских немцев. На слете присутствовали и австрийские «гости», один из которых изображен на фотографии. В подписи журнала откровенно пишут: «Австрийцы со свастикой...»

На празднике присутствовал капитан тирольской стрелковой всеми своими боевыми орденами... Открытое хождение орденов (даже со свастикой) в Австрии допускается уже давно.

Не только в Западной Германии, но и в Австрии такие «встречи» происходят часто. Недавно «Информационный бюллетень 112-го горно-артиллерийского полка» (имеется, оказывается, и такая «пресса» в Австрии) привел гитлеровский вокал, служивший в этой части в Гале. На ней, намеренной на сентябрь в Гале, на ней, разлагавшейся фашистскому редактору бюллетеня, «должны присутствовать наши товарищи из Штирии, Каринтии, Тироля, Форарльберга и Зальцбургертаун». Никто не должен испугаться больших расстояний. По сравнению с участками, которые мы прошли на Востоке, это не так далеко».

Наглядный тон фашистского листа достаточно убедительно показывает, какого рода воспоминания и планы на будущее занимают этих недобитых гитлеровцев.

Искатели нового и их борьба со старым

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Недавно мы читали в «Правде» поучительную статью академика С. Соболева «О научной критике, новаторстве и догматизме». В этой статье четко и прямо говорится о борьбе нового в науке, о неэтичной групповизме, о пережитках кастовости, монополизме, о подмене научной солидарности личной преданностью. Партийная печать подчеркивает, что это — явления, несомненные с принципами советской науки. Д. Гранин поступил правильно, безбоязненно раскрыв в художественных образах явления, которые мешают развитию советской науки.

Автор показывает, как находятся у Тонкова подручные типа беспринципного Смолянинова, как играет на руку Тонкову слабость и безхарактерность некоторых серьезных ученых, таких, как Григорьев.

Создается, казалось бы, невыгодная для борцов за новое расстановка сил. Тонков, Потаненко, Долгин держат в руках важные рычаги. Статью Лобанова отвергают в научном журнале, технический совет отклоняет разработанный им план серьезных научных исследований. Тонков выступает со статьей, порочащей принципы работы докатора. Кажется, поначалу, что преимущественно на стороне тех, которые не разбирались в средствах, идут на все, лишь бы дискредитировать и убрать противника. Но смело развернувшись острый жизненный конфликт, автор сумел убедительно показать и решение этого конфликта в нашей советской жизни. Под натиском честных советских людей рушатся все хитросплетения опытных интриганов, их планы сметены людьми прямыми, честными и принципиальными, преданными делу советского народа.

Хорошо написана Граниным сцена партийного собрания. Там, где Потаненко, Долгин и им подобные пытались достичь руководящего положения, раздался решительный голос коммунистов, разоблачивших людей отсталых, обанкротившихся, запустивших. Партийная организация проваживает консерваторов, перестраховщиков, формалистов, отменяет их попытки на-

визать ей свою волю. Секретарь горкома Савина, поддерживая Лобанова, советует провести широкую научную дискуссию, обсудить принципы работы докатора. Нам ясна мысль Савина. Открытая, свободная дискуссия в науке нужна не только потому, что в спорах, столкновениях мнений устанавливается истина, но и потому, что в обстановке свободного, товарищеского спора, когда на все открыто падает свет, — труднее лавировать, действовать путем закулисных махинаций, вести темную игру.

Тонковы и Потаненки, как паразиты-ракушки, присасываются к телу корабля. Чем быстрее ход, тем труднее им удерживаться. Скорость не радует их, а приносит только беспокойство. Но советское общество заинтересовано в том, чтобы все ускорило наше движение вперед.

Потаненко и Тонков оказываются бессильными перед изобретателем, которого они третировали, как мальчишку, с которого пытались «сбить спесь», приручить, сделать послушным исполнителем их воли. Все получилось наоборот — они потерпели поражение в борьбе.

Гранин показал, как Коммунистическая партия, советская общественность помогают новому побеждать, как они безжалостно развенчивают поборников старого, противников прогресса.

«Партии нужны не засорулезные и равнодушные чиновники, предпочитающие личное спокойствие интересам дела, а неутомимые и самоотверженные бойцы за выполнение директив партии и правительства, ставящие государственные интересы превыше всего», — указывалось в отчете

Центрального Комитета партии XIX съезду партии. Эти слова относятся не только к партийным и советским кадрам, но и к людям науки и техники.

В романе Гранина правдиво показана победа людей науки и техники в борьбе за выполнение директив партии, против засорулезных и равнодушных чиновников.

Любовь

Виктор Потаненко провалил предложение Лобанова на научно-техническом совете. Сделав это, он подошел к Андрею и как ни в чем не бывало предложил подвести его на машине. Андрей отвернулся от Потаненко. «В деле врозь — и вообще врозь. Не могу я с тобой миловаться».

Мыслью о высокой принципиальности всего поведения советского человека проникнуты и главы, посвященные личной жизни Лобанова и других действующих лиц.

Личные отношения, дружба, быт — все это неотделимо от творчества, от идейной борьбы. Себялюбие, эгоизм накладывает отпечаток на личную жизнь Потаненко, на его отношения к семье, к товарищам. Любовь Виктора к Лизе покрыта налетом расчетливости. Да и любовь ли это? Это скорее всего одно из бытовых удобств занятого хозяйственного работника. Лиза чувствует, как все хуже идет их совместная жизнь. Чуждость, себялюбие, беспринципность отравляют радость личной жизни, не дают правильно развиваться отношениям и в семье. Себялюбие, корыстная расчетливость Виктора заставляют его и друзей подбирать из «нужных людей». Так он ищет себя и настоящих друзей, товарищей.

Андрей Лобанов встречает Риту, которую он когда-то любил, а потом на несколько лет потерял из виду. Любовь вспыхнула в нем с новой силой, но Рита стала иной. Казалось бы, она любит Андрея, она прямо говорит, что не питает чувства к человеку, ставшему ее мужем. Но сейчас у Риты есть благополучие, установившийся быт. Она говорит Андрею о своих сомнениях: «кто знает, как у нас получится, когда я приду к тебе?». В ней странно сочетаются расчетливость и безделье. Чувства ее зажат и подчинены «грезам», а в сущности мелким, нечистым соображениям.

Такие отношения не могут удовлетворить Андрея Лобанова, который стремится к большому чувству. В личных отношениях ему также нетерпимы расчетливость, при-

способленчество, готовность притупить живые побуждения ради какой-то выгоды. Он не подмнет любви случайным увлечением. Роман написан не очень ровно: рядом с яркими, живыми страницами возникают топорными, недоработанные.

Одним из досаждал провалов является сцена ночного знакомства Андрея с архитектором Мариной — так эта сцена по-дурному театральна, плохо мотивирована. Но в дальнейшем Гранин показывает, как большое, глубокое, чистое чувство охватило Андрея и зажгло ответный огонь в сердце Марины. Марина — тоже талантливый и цельный человек. Она не может удовлетвориться неадекватным, вялым и холодным чувством человека, с которым она была одно время связана. Нельзя мельчить, разменивать на пятак золото святого чувства. Андрей и Марина отвергли мелкое, эгоистическое, холодное, они остались на большом.

Любовь, жизнь сердца — одна из необходимых граней полноты жизни человека; вспомним Маяковского —

Нам любовь не рай да куши, нам любовь гудят про то, что опять в работу пушен сердца выставший мотор.

Обогачая человека, любовь тысячами невидимых нитей связана со всей деятельностью, со всем строем мыслей и чувств человека. И недаром так спорилась работа у Андрея, когда он думал, что с Ритой у него все будет хорошо, когда верил в будущее своей любви. И недаром Марина поняла Андрея и почувствовала его близким себе, когда он взволнованно, одухотворенно говорил о своем восприятии мира, отчаянная Вадима за его холодный, мертвый эстетизм. — в этом споре раскрылись цельность и духовное богатство молодого ученого. Дурная и вредная выдумка — представление о двух обособленных сферах: область чувства и область мысли и труда.

Но любовь имеет свои законы развития. Воздух, которым дышит человек, может быть благоприятен или губителен для нег. Эгоизм и себялюбие убивает больше, искреннее чувство, замыкая стремления человека в душной и тесной мирке: широта и смелость стремлений, идейное богатство, творческая одухотворенность питают

любовь, помогают ей раскрыться.

О людях науки и техники, об их мыслях, чувствах, делах, Гранин умеет писать мягко и лирично. По сравнению с предшествующими книгами писателя новый роман свидетельствует о его художественном росте. Молодой писатель смело показал важные явления жизни, заставил задуматься о больших вопросах, резко и отчетливо противопоставил определенные характеры. В борьбе их раскрывая борьбу идей. Действие разветвляется энергично и экономно, повествование сочетает точность и конкретность с эмоциональным колоритом, с манерной речью, иногда иронической, иногда патетической и чуть сентиментальной. Речь автора звучит тепло и взволнованно, и мир холодных машин и аппаратов не дышит холодом на читателя.

Писатель ведет действие, стремительно чередуя кадры, перебарывая действие из лаборатории на электростанцию, в кабинет управления, на квартиры действующих лиц. Есть, однако, и у него просчеты в композиции, в разработке некоторых характеров, и, подерживая удачное, жизненное произведение, не нужно считать его шедевром, лиричным недостатком. Так, справедливость требует отметить, что в первой половине романа автор более собран и строг в отборе; во второй половине есть кадры необязательные, вроде сцен посещения Лобановым бассейна, и эпизоды затянута, вроде последнего объяснения Потаненко и Лобанова. Проблемой является и то, что автор не нашел такого сюжетного хода, который показал бы в действии таких ученых, как Одинов или Тимофеев Ильич. Их образы схематичны, отношение к науке показано, главным образом, в разговорах. Нельзя не пожалеть и о том, что слабо развиты некоторые образы — Савина, Кольберг, Новиков, их роль почти носит служебный, подсобный по отношению к Лобанову характер.

Иногда Гранин не верит себе, как художнику. Не довольствуясь тем, что говорит логика образов, он то ли в авторском тексте, то ли в мыслях героев любит давать четкое определение описываемого им явления. Встретился Андрей с Ритой — четко характеризует характер Риты; так же логически четко определена семейная жизнь Потаненко. Уж очень ясна действительность Тонкова или Смолянинова, но автор этого мало, он считает необходимым добавить несколько публицистических слов для их характеристики. Надо ли так обнажать логические линии, тем более, что художественная ткань в целом добротна?

Службный и милостивый характер поист и встреч Андрей в пивной с «негром», безмянным помощником некоего ловака от науки. Конечно, подобный эпизод мог и быть, но впомним, скажем, сцену встречи Раскольникова с Мармеладовым, — она имеет значение для сюжета, Мармеладов играет роль в развитии всего романа Достоевского, а у Гранина возникает мимолетное видение, нужное для прищипки, для наглядности, для иллюстрации мысли автора.

Роман кончается победой новаторов, торжеством изобретателя Лобанова и его большим личным счастьем. Но в этот радостный момент герои думают не столько о достигнутом успехе, сколько о будущей работе. Они находят недостатки в своем изобретении и думают о его усовершенствовании. Перед ними открываются новые возможности его применения, возникают новые трудности. Инженер Новиков вздыхает: «Начинается. Снова мука. Снова ругайся с техотделом. Опять лодку голову над формулами. Опять неприятности и заботы». Но за этим вращением стоит довольно хорошо проработанных людей результатами своего труда.

И труд не пугает новаторов, ибо это труд не для архивных мышей, не для регистрации в каком-нибудь учебном органе — это труд для людей, помогающий людям лучше работать, лучше жить. Работа, научные дерзания, дружба, борьба с чужими и фальшивыми людьми, любовь — все это вместе называется коротким, но емким словом **жизнь**, и приятно отметить, что молодой писатель сумел свежо, интересно, своеобразно рассказать о настоящей, нетерпкой, но прекрасной жизни людей, устремленных в будущее.

Главный редактор Б. ЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.